

Александра Дегтярь

НЕ ИМЕЮ
права

18+

Александра Дегтярь Не Имею Права

<https://litres.ru/73727636>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он вернулся с войны. Жена предала, отняв квартиру. Она — вдова его брата с ребенком. Этот дом — её крепость. Но половина теперь принадлежит чужаку. Захватчик в её убежище. Ей некуда деться, ему некуда идти. Закон приковал их друг к другу. Он не имеет права быть здесь. Они не имеют права быть вместе. Как найти дом в человеке, если ты не имеешь права даже смотреть на него?

Содержание

Глава 1 Чужой порог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александра Дегтярь

Не Имею Права

Глава 1 Чужой порог

Пролог

Тишина может быть разной. Бывает тишина после выстрела, когда воздух еще продолжает вибрировать, а уши закладывает так, что ты слышишь только собственное сердцебиение. Есть оглушительная тишина в госпитале, когда ты понимаешь, что остался жить, а те, кто был рядом с тобой - нет. И белый потолок нависший над тобой, становится единственной картой местности, которую ты можешь изучать.

А есть особая тишина. Тишина в этого дома. Она плотной ватой, набилась мне в уши.

Она давит на меня, ходит по коридору и шуршит платьем. Тонкая ткань скользит по полу, едва слышно, но для меня этот звук громче грохота артиллерии. Эта тишина пахнет женщиной. Её тело я узнал позавчера, в номере гостиницы, где мы оба стали временными любовниками. Ее руки перебирали мои волосы, когда она стонала в моих объятиях. Искала спасения? Или забвения? Я не спрашивал. Она не говорила. Мы договорились молчать.

Я смотрю на её руки, вижу тонкие пальцы, узкое золотое,

потускневшее кольцо все еще надето на безымянном. Позавчера его там не было.

Её руки когда-то гладили моего брата.

Сейчас эти руки накрывают на стол для меня, раскладывают приборы, наливают чай.

Я не имею права смотреть, но я смотрю на нее.

Я не имею права быть здесь, но я сижу, напротив нее.

Я не имею права хотеть её, но мое тело помнит её вес, её запах, её тепло.

15 октября. Три дня назад.

1

Поезд дернулся на стыке рельсов. Вагон содрогнулся подбитым зверем. Мой стакан с крепким чаем на откидном столике дрогнул, и темная жидкость плеснула за край, обжигая пальцы. Я на автомате вытер лужу салфеткой. Раздражение копилось внутри меня, как газ в закрытой камере, готовое полыхнуть от первой искры.

В руках я держал документы. Бумага уже нагрелась от моих пальцев, текст охлаждал кровь хлеще январского ветра. Судебное решение с печатью и подписью судьи. Окончательное и не подлежащее обжалованию.

«...иск гражданки Екатерины Громовой удовлетворен. Квартира, расположенная по адресу... является единоличной собственностью истицы, так как договор дарения был оформлен до заключения брака...», — бормотал я про себя,

хотя знал каждое слово наизусть.

Сука.

Я читал этот судебный документ уже раз десять, и каждый раз надеялся, что решение судьи, напечатанное на бумаге, изменится. Глупая надежда умирает последней ни в какую не желая сдаваться, даже когда ей еще полагалось сдохнуть в госпитале, там врачи считали, что я не очнусь...

Три года назад я подписал бумаги. Я любил и доверял. «Макс, так надежнее», — говорила она мне тогда смущаясь и смотрела на меня огромными с поволокой глазами. И я поплыл. Сука. Я был уверен, что мы с ней единое целое. Хотел для нее стабильности, и если меня убьют, ей будет где жить. Я хотел защитить жену от бюрократии, и возможных проблем в дальнейшем, если со мной что-то случится на службе. Ирония судьбы: меня не убили. Только сломали, а ей стало тесно со мной в нашей квартире.

Когда я выписался, она уже успела подать заявление на развод со мной, собрать мои вещи, и выписать меня из квартиры, заработанной мной же. Коробки стояли аккуратной башней у двери. Холод в глазах стоявшей на против меня, теперь уже чужой незнакомой женщины развеял все иллюзии.

— Ты изменился, Макс, — прошептала она тогда. Не «как ты себя чувствуешь», а «Ты изменился». Будто мой диагноз, не подлежал лечению.

— Почему ты хочешь развод? — спросил, все еще наде-

сь на чудовищную ошибку. — Я вернулся живым, Кать. Это главное.

— Ты стал другим. Я не могу жить с человеком, который вздрагивает от хлопка двери, не спит ночами и смотрит сквозь меня и глушит боль в алкоголе. Уходи, или я вызову ментов Макс.

Она попыталась захлопнуть дверь, но я не дал, подставив ногу в берце.

— Это квартира моя. Я её покупал до свадьбы, на свои кровные.

— Но оформил ее на меня. Забыл? — Катя безразлично смотрела мне в глаза. — Ты, так решил. И сам подписал дарственную. По закону ты здесь никто.

Мои силы и деньги уходили катастрофически на: суды, адвокатов, запросы, протесты.

«Почему вы не оформили брачный договор?», «Где доказательства ваших денег?», «Почему вы жили отдельно последние полгода?». Я смотрел ей в лицо и понимал: она давно все решила. У нее теперь новая жизнь, где совсем нет мне места. Мне же остались только: мой груз вины, ночные кошмары.

Я в итоге подписал согласие на развод. Забрал только одну коробку с личными вещами и ушел жить в общежитие части. После ранения занимался тыловым обеспечением: бумаги, склады, отчеты. Никаких больше выходов, рисков, и никаких лживых женщин. Я удобной, безопасной функцией. Месяц

назад решил вернуться в родной город и отправил запрос в часть брата.

2

Поезд замедлил ход. За окном промелькнули серые коробки гаражей, пестрый и разношерстый частный сектор, с новыми и покосившимися заборами. Воспоминания унесли меня в прошлое. Я ехал в Вольск, в город, где мы родились и выросли с Антоном. Здесь был за последние двенадцать лет я был всего дважды. Последний раз лет десять назад, когда мы еще верили, что жизнь будет длинной. Тогда десять лет назад выбравшись в отпуск, я наконец-то решил навестить брата. Он снес родительский дом и на его месте достраивал новый.

Вибрация в кармане заставила меня вздрогнуть. Рефлекторно я напрягся, рука метнулась к поясу, где нет кобуры. На экране высветился незнакомый номер.

— Максим Андреевич Громов? — прозвучал в трубке деловой, сухой женский голос.

— Внимательно.

— Вас беспокоит нотариус Соколова, город Вольск. По поводу наследства гражданина Громова Антона Андреевича.

— Антон? — я сжал трубку так, что пластик затрещал. Костяшки побелели. — Он же... Мы говорили неделю назад.

— Мне жаль сообщать вам это по телефону. Антон Андреевич скончался три дня назад. — она говорила буднично, так словно сообщала о погоде, а не о смерти моего брата. —

Причина его кончины онкологическое заболевание.

— Три дня... — я смотрел в окно. Хотелось заорать, но сдержался.

Поезд остановился на станции. Люди суетились, тащили сумки, дети плакали., Равнодушная яркая жизнь текла мимо меня.

— Почему мне не сказали раньше? Я бы успел приехать.

— Это было желание вашего брата. Не беспокоить вас на службе. Он понимал, где вы служите. Но есть завещание и вам необходимо прибыть для вступления в права.

— Какое завещание? — не понял я.

— Дом на улице Сосновой, семнадцать. Завещание делит имущество. Пятьдесят процентов вам. Пятьдесят процентов вдове и несовершеннолетнему сыну.

— Дом? — усмехнулся.

Звук получился неприятным, хриплым. Брат всегда был щедр ко всем. Даже когда у самого ничего не было. Одну половину родительского дома отписал жене и сыну. Вторую — мне. Я же нотариально отказался от своей доли в родительском доме, после того, как купил себе квартиру. А Тоха женился уже тогда. Мда.

— Я уже в пути. Когда похороны?

— Кремация состоится завтра, в десять утра. Ритуальный зал номер два.

Я не успевал. Поезд, на котором я ехал к брату, прибывал завтра в Вольск, в семь вечера.

Я положил телефон на столик. Экран погас, отразив мое чужое лицо. Антон умер.

Моего брата нет. Совсем нет.

А я даже не успел проститься. Не сказал, что люблю его. Мы были разными. Да и разница в двадцать лет давала о себе знать. Тоха — мягкий и улыбочивый, остался служить по контракту, но в тылу, ближе к дому. Я же ушел в разведку, потом спецназ, потом туда, о чем не пишут в газетах. Мы редко виделись, но он был единственной нитью, связывающей меня с нормальной жизнью. Он был моей семьей.

16 октября. Два дня назад.

3

Я вышел на перрон и поежился. Закурил. Воздух здесь совсем другой, не такой спёртый, как в Нижнем. Пахло сырой землей, углем, дешевыми сигаретами и прелой листвой. Осень в провинции всегда пахнет увяданием. Я отправился пешком до гостиницы с одним чемоданом в руке, в котором лежали подарки для моего брата, его жены и племянника. Тяжелый рюкзак с документами и вещами оттягивал плечи. На удивление ноги помнили дорогу, хотя я не был здесь десять лет. Город изменился.

Антон звонил редко, в основном по праздникам. «У нас все хорошо, Макс. Не волнуйся. Вера родила. Артем растет».

Врал. Конечно, врал. Онкология. Он скрывал. Берег меня. Или себя. Не хотел, чтобы я видел его слабым и умирающим.

В номере старой гостиницы стояла тишина. Кровать заправлена белым бельем, натянутым так туго, что казалось, на ней никто не спал. Телек висевший на стене я не включал. Отопление еще не запустили, калорифер гудел, обогревая комнату.

Пужинав дошиком и колбасой, достал купленную на вокзале еще в Нижнем, чекушку водки. Выпил залпом. Жжение в горле отрезвило на секунду. Потом тепло разлилось по желудку, расслабляя мышцы, которые были в напряжении сутками. Лег на кровать. Закрыв глаза. Темнота за веками не была пустой. В ней стояли лица тех, кто остался в том лесу три года назад. Сержант Кравец. Молодой, смешливый. Любивший играть на гитаре. Пуля попала ему в висок. Мгновенная смерть. Лейтенант Орлов. Умирал долго. Звал маму. Кровь была теплой, липкой. А я выжил. Сука. Потому что был старшим, и более опытным. Потому что должен был вывести остальных. Должен. Но не смог. Вывел только себя. Ошибочные данные разведки. Приказ сверху. Кто-то в кабинете решил, что мы — расходный материал. Я не виноват. Но я чувствовал вину за гибель ребят. Каждый день.

Сон не приходил. Бессонница стала моей верной спутницей. Я слышал в коридоре каждый звук: шаги горничной, скрип половиц, гудение лампочки. Любой резкий звук заставлял сердце пропускать удар. В девять вечера я не выдержал: тишина в номере стала громче выстрелов, давила на виски. Я оделся: черные джинсы, темная рубашка, удобная

куртка без опознавательных знаков.

Я хотел заглушить шум в голове, чтобы отключился мозг. Чтобы не думать о доме, который мне не нужен, но мне негде теперь жить. О женщине, которая предала. О брате, которого нет. О жене брата, явившейся на все готовое и не таскавшейся за ним по гарнизонам.

Бар находился в подвале отеля с веселой неоновой вывеской: «У Фомы». Полумрак, запах дешевого табака, пролитого пива и жареного мяса ударили мне в лицо, закружили, обещая расслабление. Музыка играла тихо, но бас бил в грудную клетку, резонируя с ребрами. Я сел в углу, неподалеку от стойки. Спиной к стене и лицом к залу - привычка, контролировать периметр. Заказал двойной виски. Официант принес, поставил на стол, я кивнул. Первый стакан ушел легко. Второй пошел медленнее. Тепло разлилось по желудку. Руки перестали дрожать. Голова стала легкой, ватной. Я пил и не пьянел.

Смотрел на людей. Пары смеялись. Кто-то спорил над шахматами.

Девушка у стойки курила, нервно стряхивая пепел в переполненную пепельницу. Она была одна, в темном, простом платье, без украшений. Волосы собраны в хвост. Лишь несколько прядей выбились. Мягкое освещение барной стойки падало на ее не красивое в привычном, шаблонном смысле, усталое лицо, настоящее, без яркого макияжа. Мне вдруг стало интересно, какие ее губы на ощупь. Но я

быстро отогнал от себя эту непрощеную мысль.

Незнакомка заказала красное вино. Выпила быстро, поморщилась. Заказала еще.

Я смотрел на неё.

Она не смотрела на меня, но я чувствовал, как напряжение, боль, одиночество, исходили от неё волнами. Девушка подняла бокал, оглянулась. Наши взгляды встретились, в её глазах не было интереса и кокетства. В них была пустота, такая же, как у меня. Бездна, в которую можно падать бесконечно. Я сделал знак официанту принести ей бутылку. Она посмотрела на бутылку, потом на меня. Покачала головой.

Отказ.

Я встал и подошел к ней. Ноги слушались хорошо, алкоголь сегодня не бил в координацию.

— Это не знакомство, — произнес я хрипло. — Не хочу пить в одиночестве.

Она помолчала, изучала меня долгим взглядом, оценивая угрозу. Затем кивнула, едва заметно.

— Садись. — ее голос оказался приятным.

Мы не спрашивали имен, и кто мы и откуда. Зачем? Скоро мы разойдемся.

Она говорила мало. Я — еще меньше. Мы пили не чокаясь. Алкоголь снимал броню, разрушал стены, которые оба построили вокруг себя.

— Что празднуешь? — спросил, не ожидая ответа.

— Смерть, — ответила она вдруг, — моей жизни.

Я замер. Рюмка зависла в воздухе. Лед в стакане звякнул.

— Мои соболезнования, — автоматически ответил я.

Шаблоны вежливости въелись в подкорку.

— Не надо. Давай помолчим.

— Я понимаю.

— Нет, — она посмотрела мне в глаза. В упор. — Не понимаешь. Ты мужчина. Вам проще. Вам можно злиться. Вам можно уходить.

— Не проще.

Я не стал спорить и врать не хотел. У меня не было права говорить ей о боли. Она у каждого своя.

Незнакомка допила вино, встала, покачнулась. Я придержал её за локоть. Он казался тонким и хрупким в моей огромной лапе.

— Пойдем. — позвал я ее.

— Куда?

— В номер, — слова слетели с языка, быстрее, чем я успел подумать.

Надо уйти, вот прямо сейчас, пока еще держат тормоза и не использовать женщину как таблетку. Но тело двигалось само. Мы молча поднялись по лестнице на второй этаж. Зеркало, висевшее в коридоре, отражало двух призраков, которыми мы по сути и были. Тишина звенела. В номере она сняла платье, оставшись в нижнем белье. Судя по тонким кружевам, девушка планировала закончить вечер у кого-то в постели. Похер. Тонкие плечи, цепочка. Я разделся. Мы

легли на кровать. Нежности не было. Это больше походило на столкновение двух раненых зверей, которые нашли друг друга в темноте. Два одиночества, которые на короткое время стали одним целым. Ее горячие руки скользили по мне. Она цеплялась за меня, будто я был спасательным кругом в шторм. Царапала спину. Кусала губы, дергала меня за короткие волосы на голове, что-то шептала в шею. Вроде просила не отпускать.

— Не отпущу, — соврал я, зная, что отпущу.

Знал, что утром её не будет. Когда все закончилось, она уснула. Лицо стало мягче, морщинки в уголках глаз разгладились.

Я лежал и смотрел в потолок. Затем курил в открытое окно, ночь была холодной, она так и не проснулась.

Нельзя было этого делать. Секс лишь временная пилюля от боли, когда тебе нечего терять, когда ты уже мертв внутри.

17 октября. Один день назад.

4

Я проснулся один. На подушке остался ее запах: терпкий, смешанный с запахом моей кожи. Она просто ушла, не разбудив меня. Все-таки меня вырубил.

Я оделся, выпил воды из-под крана. Б-р-р-р, в голове прояснилось. И сразу стало хуже. На душе скребли кошки, а может и кто-то еще, крупнее в несколько раз. Сегодня похороны брата. Я вышел из гостиницы. Взял такси до ритуального

зала. Опоздал. Урну с прахом сегодня уже забрали. Я взглянул на часы: 14.00. Выругался.

Администратор посмотрела на меня с профессиональным сочувствием.

— Вы родственник?

— Брат.

— Извините. Вдова уже забрала урну в десять утра. Она спешила.

— Спешила? — я сжал челюсти, желваки заходили. Захотелось выругаться.

— Да. Сказала, что нужно ехать, дел много.

Я вышел на улицу, заморосил мелкий, противный осенний дождь.

«Шустрая вдовушка, блять», — подумал я с горечью. Антон три дня как умер, а она уже шуршит. Видимо спешит к нотариусу, кремировала тело, и захоронила быстрее, чтобы закрыть вопрос с документами. Могла и подождать меня. Видимо, торопится закрепить права. Все они стервы одинаковые. Пока здоров и силен – любят. А как стал слаб или умер, все – сквозняк за спиной рисуют.

Я достал телефон и набрал номер нотариуса.

— Да, Максим Андреевич?

— Я был в крематории. Сказали, вдова забрала урну с прахом. Где она живет?

— Адрес в завещании указан. Сосновая, семнадцать. Она ждет вас завтра. К десяти утра.

— Завтра?

— Да. Она сказала, что сегодня эмоционально устала из-за похорон.

Сбросив звонок, я положил телефон в карман.

«Уже и похоронить успела!» Я выматерился. От души. Забористо.

Забив в поисковике адрес местного кладбища, отправился туда. Там, узнав номер могилы, отправился на поиски последнего пристанища старшего брата. Покружив минут двадцать, я все же нашел свежий крест с цветами, венками и с табличкой: Громов Антон Андреевич 10.06.1970 г. – 14.10.2025 г. Я читал надписи на венках: от друзей, от сослуживцев, от любящей жены и сына.

И тут я опять опоздал. С кладбища пошел пешком. Холодный дождь мочил лицо, вода текла за воротник, в голове крутились разные мысли.

5

Брата поминал в одиночестве, в номере отеля.

Завтра я увижу владелицу половины дома, в котором я не хочу жить. Выставлю сразу же на продажу, предложу шустрой вдовушке выкупить мою долю. Посмотрю, как она будет вертеться.

В номере было тихо. Я сидел на кровати и смотрел на старую фотографию, где мы с братом стоим рядом, я едва достаю ему до бедра. Он улыбается. Я хмурюсь. Его рука лежит у меня на плече. У нас разница в двадцать лет — меня часто

принимали за его сына. Мама родила меня, пока Тоха был в армии. У нас с ним дни рождения были в один день, только я родился в девяностом. А в девяносто шестом родители разбились на машине. Недалеко от города в их москвич врезался грузовик, за рулем которого сидел пьяный водитель. Отец погиб сразу, а мама - через неделю в реанимации.

— Прости, брат, — сказал я вслух. — Не успел.

Ответом мне была давящая тишина.

Я лег, закрыл глаза. Под веками всплыло лицо незнакомки. Глаза. Руки. Я перевернулся на бок, уткнулся лицом в подушку.

Завтра будет война. Я это чувствовал. Вдовушка будет защищать свою территорию. Но сейчас... Сейчас я хотел только одного. Чтобы утро не наступало. Чтобы этот едва уловимый запах на моей подушке не выветрился. Потому что это было единственное живое, что случилось у меня за последние три года.

Я уснул под утро, без снов и боли, просто выключился.

18 октября. Утро.

6

Я проснулся как всегда по привычке в шесть утра. Организм работал как часы, несмотря на алкоголь. Встал, принял холодный душ, побрился. В зеркале на меня смотрел человек с запавшими глазами, сбрывающий остатки седой щетины. Шрам на брови уже побелел. Вызвал такси, оделся: джинсы,

рубашка, куртка. Забрал вещи, закрыл номер и сдал номер, вышел. Такси уже ожидало.

— На Сосновую? — уточнил водитель, мужик лет пятидесяти, бросивший на меня любопытный взгляд в зеркало заднего вида.

— Да.

Машина тронулась. Город еще спал. В субботнее утро редкие прохожие спешили по своим делам. Дети бежали в школу. Обычная жизнь. Я ехал на встречу с прошлым. Смотрел в окно. Деревья и дома мелькали. Желтые, мокрые листья, прилипли к асфальту.

«Половина дома», — подумал я.

Странное ощущение возникло в голове, будто я не еду выяснять отношения с вдовой, а еду домой. Но дома у меня нет. А может все же остаться жить в доме? Как ни как это дом моих родителей, пусть и перестроенный Тохой.

Машина свернула на улицу Сосновую, в частный сектор. Проезжали старые дома с яблонями в палисадниках, уже оголивших ветки. Ностальгия щемящей тоской сдавила грудь. Мы проехали дом старика Петровича. Интересно, жив ли еще старый хрыч или нет? Нужно будет навеститься в гости к нему. Дом номер семнадцать стоял в конце улицы, уткнувшись в лесополосу: двухэтажный, кирпичный, с террасой и крашеными наличниками. Во дворе стоял мальчик лет семи. Он стучал палкой по чему-то, лежащему на земле. Увидел машину, выпрямился и забежал на крыльцо. Дверь откры-

лась, и из нее вышла дородная женщина средних лет.

М-да, брат. На вкус, так сказать, и цвет... Женщина посмотрела на такси внимательно.

Расплатившись с водителем, вышел из машины, таксист тут же уехал.

Я остался стоять у калитки. Дом молчал. Темные стекла окон, как глаза слепого, закрывали шторы. Лишь в одном окне продолжал гореть свет.

Тем временем вдовушка и мальчик подошли ко мне.

— Добрый день, — поздоровалась она. — Вы, должно быть, Максим Андреевич?

— Добрый день. Так точно.

Мальчонка сверлил меня враждебным взглядом.

— Это ты пришел оттяпать половину нашего дома? — воинственно спросил мальчуган, держа палку наподобие оружия.

— Темочка, — одернула его вдовушка, — нельзя так говорить!

— Вы же сами вчера так сказали, тетя Надя!

Женщина покраснела. Я хмыкнул. Значит, не вдовушка, ту, насколько я помнил, зовут Вера.

— Проходите, — пробормотала женщина, — я Надежда Павловна, няня этого хулигана, — она старательно рассматривала носки моих кроссовок. — Верочка дома. Мы спешим. Простите.

Она распахнула калитку и вместе с мальчиком направи-

лась к дому наискосок от дома брата.

Я шагнул во двор, поднялся по ступеням, нажал на звонок. Звук прозвучал резко, как выстрел. Я вздрогнул. Рефлекторно напрягся. Внутри раздались торопливые, уверенные шаги, дверь открылась.

— Вы что-то за... — фраза повисла в воздухе, когда её взгляд уперся в мое лицо.

На пороге стояла она, Вера, моя незнакомка из бара. Она была в домашнем длинном, темно-сером платье. Ничего общего с ее нарядом, в котором я ее запомнил.

Ее бледное лицо побелело сильнее, усиливая залегшие под глазами тени. Девушка уставилась на меня в шоке. В руках она держала полотенце.

— Здравствуйте, — выдавила она тихим дрогнувшим голосом.

— Здравствуй, — ответил я, ухмыляясь.

Она узнала меня, так же, как и я ее. Мы стояли и смотрели друг на друга, между нами был порог. Отделявший ее территорию от моего права.

Воздух вокруг искрил, напряжение можно было резать ножом.

Мы оба помнили нашу ночь. И оба понимали, что это полный пиздец.

— Проходите, — сказала она тихо, отходя в сторону. — Чай остывает.

Я переступил порог, почувствовал ваниль и ее запах.

Женский, будораживший мою кровь и сейчас. Я снял кроссовки, поставил их рядом с её ботинками.

Пара.

Как будто мы жили здесь вместе всегда, и я принял окончательное решение.

Я не имел права быть здесь.

Но я был.

И я не собирался уходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.